
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ SCIENCES OF PRIVATE LAW (CIVILE LAW)

Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, вып. 2. С. 5—10.

ISSN 2618-8236 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023;8(2):5-10. ISSN 2618-8236 (print).

Научная статья

УДК 346.546.4

Крушение надежд на антикартельный иммунитет в Конституционном Суде

Олег Александрович Камалов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. olegkamalov@yandex.ru.

ORCID 0009-0003-1357-0387

Аннотация. В статье рассмотрены предыстория и содержание Постановления Конституционного Суда РФ № 12-П от 30.03.2023, вынесенного по вопросу о квалификации участия на торгах членов одной группы лиц (в отсутствие признаков их прямого контроля) в качестве картельного соглашения. Автором дан критический анализ аргументов, положенных в основу рассматриваемого акта нормативного контроля. Обращено внимание на формальный подход Конституционного Суда к оценке антикартельного иммунитета, на отход от ранее декларируемой на уровне закона презумпции добросовестности участников рынка.

Ключевые слова: антимонопольное право, конкуренция, картель, торги, группа лиц, презумпция добросовестности участников рынка

Для цитирования: Камалов О. А. Крушение надежд на антикартельный иммунитет в Конституционном Суде // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, вып. 2. С. 5—10.

Original article

The collapse of hopes for anti-cartel immunity in the Constitutional Court

Oleg A. Kamalov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olegkamalov@yandex.ru.

ORCID 0009-0003-1357-0387.

The article discusses the background and content of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No 12-P dated March 30, 2023, issued on the problem of qualification of a case when the members of one group of persons participates in a tender (in the absence of signs of their direct control) as a cartel agreement. The author gives a critical analysis of the arguments underlying the studied act of regulatory control. Attention is drawn to the formal approach of the Constitutional Court to the assessment of anti-cartel immunity, to the departure from the presumption of good faith of market participants previously declared at the level of law.

Keywords: antitrust law, competition, cartel, tenders, group of persons, presumption of good faith of market participants.

For citation: Kamalov OA. The collapse of hopes for anti-cartel immunity in the Constitutional Court. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023;8(2):5-10.*

Введение

Конституционным Судом РФ 30 марта 2023 года вынесено постановление № 12-П, которым «часть 8 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции»¹ признана соответствующей Конституции

¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», далее также Закон о конкуренции или Закон № 135-ФЗ.

Российской Федерации, поскольку по смыслу данной нормы в системе действующего правового регулирования условием, при котором запрет картеля не распространяется на соглашения хозяйствующих субъектов — участников торгов, признаются исключительно установленные ею признаки контроля одного хозяйствующего субъекта в отношении другого или одного

лица в отношении хозяйствующих субъектов»¹.

Обращает на себя достаточно категоричная и бескомпромиссная формулировка резолютивной части Постановления № 12-П: в отличие от многих актов последнего времени Конституционный Суд не установил каких-либо дополнительных критериев, при соблюдении которых норма признавалась бы соответствующей или не соответствующей Конституции, а лишь подтвердил те условия, которые и так закреплены рассматриваемой нормой, а именно исключительный и исчерпывающий характер признаков контроля, влекущих применение антикартельного иммунитета.

Основной правовой вопрос, который был поставлен перед Конституционным Судом, заключался в следующем: можно ли квалифицировать в качестве картеля соглашение хозяйствующих субъектов, которые образуют группу лиц, но при этом не связаны двумя признаками контроля, указанными в части 8 статьи 11 Закона о конкуренции.

Развитие проблемы до рассмотрения Конституционным Судом РФ

Обратимся к короткой, но насыщенной истории данного вопроса. В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона о конкуренции признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке. При этом ч. 8 этой же статьи установлено понятие полного контроля, при котором соглашения хозяйствующих субъектов, отвечающих признакам такого контроля, выводятся из-под запрета на картели (тем самым устанавливается так называемый антикартельный иммунитет).

Проблема заключается в том, что эти признаки контроля не совпадают с признаками группы лиц, обозначенными в ст. 9 Закона о конкуренции. Ввиду этого возникает неопределённость правовой квалификации соглашений между теми лицами, которые:

- а) не находятся в отношениях полного контроля по смыслу ч. 8 ст. 11 Закона о конкуренции, но при этом
- б) образуют группу лиц по иным основаниям, указанным в ст. 9 Закона о конкуренции (т.е. по пунктам с третьего по девятый части 1 этой статьи).

По мнению Федеральной антимонопольной службы РФ, «расширительное толкование критериев контроля, предусмотренных частью 8 статьи 11 закона,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 части 1 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision671157.pdf>, далее также Постановление № 12-П.

недопустимо в связи с наличием исчерпывающего и законченного перечня таких критериев допустимости антиконкурентных соглашений»².

Вместе с тем такой формальный подход, как неоднократно отмечалось в юридической науке, вступает в противоречие с существом рассматриваемых отношений. Картель по определению является соглашением, в котором участвуют хозяйствующие субъекты-конкуренты, тогда как образующие группу лиц субъекты рассматриваются как действующие в едином интересе, и постольку не являются конкурентами. Так, Е. Ю. Борзило отмечает, что необходимость введения в антимонопольное законодательство самостоятельного института контроля (помимо понятия «группа лиц»), а также его целесообразность представляются сомнительными. По её мнению, беспорядна природа группы лиц как единого «организма», в силу чего внутри группы лиц конкуренции быть не может, а постольку и невозможно ограничение таковой в результате договоров или действий членов группы. Поэтому изъятия из сферы действия антимонопольных ограничений действий и сделок для групп лиц, сформированных только по нескольким основаниям, выглядят странно [2, с. 72—74].

Верховным Судом РФ по данному вопросу были сформулированы разъяснения в виде Постановления Пленума ВС РФ³. В п. 22 этого постановления подчёркнуто, что «при установлении наличия картельного соглашения подлежит доказыванию факт того, что участники картеля являются конкурентами на товарном рынке». В развитие этого положения в абз. 3 п. 28 Постановления Пленума № 2 внимание судов обращено на то, что при доказывании картеля «в отношении хозяйствующих субъектов, не отвечающих требованиям чч. 7, 8 ст. 11 Закона, но формирующих группу лиц по иным основаниям, установленным ст. 9 Закона, тем не менее должно быть установлено, что указанные лица являются конкурентами».

Данные разъяснения были положительно восприняты научным сообществом. В одном из комментариев к Постановлению Пленума № 2 отмечалось, что лишь при наличии отношений соперничества участники группы лиц (все или некоторые из них) могут признаваться конкурентами, а следовательно, участниками ограничивающего конкуренцию соглашения [1, с. 89—90].

К сожалению, приведённые разъяснения не привели к фактическому изменению судебной практики применения Закона о конкуренции, чем, собственно, и было вызвано обращение заявителя в Конституционный Суд РФ, явившееся поводом для разбирательства по рассматриваемому вопросу.

В заседании Конституционного Суда РФ, состояв-

² Разъяснение ФАС России № 16 «О применении частей 7, 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 13.03.2019 № 2)

³ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2, далее также Постановление Пленума № 2.

шемся 26 января 2023 года, были представлены две диаметрально противоположные позиции, при этом представители государственных органов единодушно не высказали никаких сомнений в отношении содержания рассматриваемой нормы. Стоит отдельно отметить выступление представителя Российского союза промышленников и предпринимателей Т.А. Каменской, поддержавшей аргументы заявителя о том, что ограничения, установленные ч. 8 ст. 11 Закона о конкуренции, явно нарушают возможности субъектов предпринимательства вести хозяйственную деятельность с учётом оптимизации экономических издержек, поскольку узкое и ограничительное толкование блокирует возможность бизнеса использовать легальные инструменты по улучшению эффективности и прибыльности своих предприятий. При этом публичный интерес, выраженный в необходимости защиты конкуренции, никак в данном случае не реализуется, поскольку конкуренция между подобными компаниями изначально отсутствует и не имеет экономического смысла, потому что они связаны организационно и экономически как единый хозяйствующий субъект. Представитель РСПП отметила, что формальный подход к понятию контроля в ч. 8 ст. 11 Закона о конкуренции в рамках установленных законом двух случаев должен быть преодолен в пользу возможности учёта иных критериев установления фактического контроля по совокупности признаков, в том числе критерия действия двух и более хозяйствующих субъектов в едином экономическом интересе¹.

Вопреки этим соображениям Конституционный Суд РФ не усмотрел оснований для несоответствия спорной нормы положениям Конституции РФ, в том числе принципам правовой определённости и юридического равенства. В обоснование избранной правовой позиции Конституционным Судом приведён ряд аргументов, три из которых представляют особый интерес.

Анализ аргументов Конституционного Суда

1. В преддверии первого аргумента Конституционный Суд привёл давно сформированную собственную правовую позицию о том, что «законодатель, устанавливая ответственность за те или иные противоправные деяния, в силу имеющейся у него дискреции может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы правонарушений и их отдельные элементы».

Вооружившись этим тезисом, Конституционный Суд указал следующее:

«...предоставление иммунитета, в частности, применительно к картелям законодатель связывает с установлением двух квалифицирующих признаков, таких как вхождение хозяйствующих субъектов, принимающих участие в торгах, в одну группу лиц и нахождение таких субъектов под контролем одного лица в

силу одного из двух или обоих указанных в законе обстоятельств».

Сославшись на то, что третий критерий, а именно получение права определять условия ведения предпринимательской деятельности юридического лица, был в своё время исключён из текста законопроекта, не став элементом правового регулирования, Конституционный Суд подчеркнул, что

«...воля законодателя была направлена на то, чтобы связать исключение из запрета на картельные соглашения только с двумя признаками контроля».

Таким образом, если упростить этот первый (и основной) аргумент, он состоит в том, что «законодатель так решил, потому что вправе был так решить». Однако ссылка лишь на дискрецию законодателя как таковую является доказательством, которое на самом деле ничего не доказывает. Ведь этот довод не даёт ответа на простой вопрос: а почему «законодатель» избрал именно такой вариант, при том, что были и другие? Неужели «воля законодателя» настолько священна и неприкосновенна, что не может подвергаться сомнению?

Вместе с тем наличие дискреции само по себе лишь наделяет законодателя формальными полномочиями по нормативному регулированию отношений в известных пределах, но не предоставляет возможности выбирать любой из вариантов регулирования без надлежащего обоснования. Выбор конкретного варианта регулирования, то есть разрешение вопроса по существу, требует социального, экономического обоснования, предполагает учёт последствий выбранного варианта для общества, при этом законодатель связан необходимостью соблюдения конституционных принципов. Как представляется, правовая доктрина может и должна выступать одним из средств такого обоснования по существу вопроса.

Как указывалось выше в этой статье, и правовая доктрина, и разъяснения Верховного Суда РФ вполне допускают такое толкование рассматриваемой нормы, при котором должен быть проведён анализ действительного наличия или отсутствия конкурентных отношений между участниками картеля исходя из всей совокупности обстоятельств.

Забавно, что в обоснование одного из тезисов о правомерности ограничительного толкования антикартельного иммунитета Конституционный Суд РФ привёл ссылку на разъяснения ФАС России², тем самым установив приоритет мнения органа исполнительной власти, практика деятельности которого как раз должна была выступать предметом проверки, но никак не эталоном для нормативного контроля.

Справедливости ради следует отметить, что Конституционный Суд не ограничился одной только ссылкой на «волю законодателя» и привёл также иные аргументы, связанные с обоснованием той дифферен-

¹ См.: РСПП высказался за расширение антикартельных иммунитетов для группы лиц в КС. Право.ру. Новости компаний // https://pravo.ru/company_news/245104/

² Разъяснение № 16 «О применении частей 7, 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции», утверждённое протоколом Президиума ФАС России от 13 марта 2019 года №2.

циации, которую избрал законодатель.

2. В качестве второго аргумента Конституционный Суд указал следующее:

«...дифференциация хозяйствующих субъектов, произведённая федеральным законодателем на основе критерия наличия формально-юридически выраженного контроля над хозяйствующим субъектом, во всяком случае не может рассматриваться как произвольная и дискриминационная по отношению к хозяйствующим субъектам, которые этому критерию не соответствуют, несмотря на то что образуют по указанным в законе признакам группу лиц, поскольку хотя нахождение в одной группе и предполагает возможность влияния её участников на решения друг друга, однако такое влияние может и не достигать той степени, которая позволяет определять решения одного лица как контроль над другим».

В процитированном отрывке Конституционный Суд, признавая, что участники группы лиц имеют возможность влияния друг на друга, всё-таки остаётся на прежних позициях, поскольку считает, что «такое влияние может не достигать» требуемой степени контроля. На это можно возразить тем, что установление степени контроля — это вопрос факта, который подлежит установлению в каждом конкретном деле, и с учётом этого факта правоприменитель должен в каждом отдельном случае определить, являются участники картеля конкурентами или нет. Казалось бы, этот подход и может послужить путём решения проблемы, тем более, что на него ориентированы разъяснения, изложенные в абз. 3 п. 28 Постановления Пленума № 2: «при доказывании ограничивающего конкуренцию соглашения ... должно быть установлено, что указанные лица являются конкурентами».

Однако Конституционный Суд развивает свой тезис далее, открывая нам глаза на опасность отхода от буквальной воли законодателя:

«Расширительное толкование оспариваемого законоположения — вопреки прямо выраженной воле законодателя — позволяло бы, в частности, имитировать существование контроля созданием совокупности указывающих на него фиктивных признаков и использовать в дальнейшем предполагаемый фактический контроль для преодоления запрета картельных соглашений на торгах, что в конечном счёте препятствовало бы достижению целей антимонопольного регулирования.

...государство, устанавливая исключение из правил применительно к запрету заключать картельные соглашения, имеет право исходить из требования о том, чтобы контроль был надлежащим образом юридически выраженным ...

Отсутствие прозрачности оснований контроля, когда он юридически надлежащим образом не выражен, приводило бы к тому, что позитивное для участников правоотношений значение ... придаётся такому контролю, который может быть обусловлен противоправными мотивами, в частности намерением скрыть

свою активную роль в деятельности формально независимого хозяйствующего субъекта, например с целью усложнить доказывание возникновения у контролирующего лица в связи с деятельностью контролируемого обязанностей, оснований для привлечения к ответственности и т. п.

Применительно к участию в торгах создание, порой стремительное, признаков фактического контроля и апелляция к ним могут осуществляться для оправдания запрещённого законом соглашения в случае его выявления органами публичной власти».

Этот аргумент не случайно процитирован в большом объёме, хотя его основная идея может быть выражена более лаконично: «расширение иммунитета даст больше возможностей для злоупотребления». Конституционный Суд увидел угрозу в «имитации» с помощью «фиктивных признаков».

Как представляется, этот довод не имеет ничего общего с конституционным правосудием. Конституционным Судом фактически допущена подмена тезиса. Пресечение и доказывание правонарушений — это предмет работы правоприменителя по конкретным делам, а не задача законодателя.

Возможность злоупотребления правом не может служить основанием для отмены или непризнания такого права. Например, несмотря на то, что возможны злоупотребления при совершении сделок, никому не приходит в голову предложить отказаться от института сделки как таковой. Или, допустим, злоупотребления при оспаривании заключённых договоров могут и должны пресекаться с помощью специальных правовых норм (например, по принципу эстоппеля), но не могут выступать причиной для отмены права на оспаривание договора.

Исходя из цивилистической концепции злоупотребления правом, говорить о злоупотреблении можно только в том случае, если субъект наделён правом. Если же нет субъективного права, то не может быть и злоупотребления им. Применительно к рассматриваемому вопросу, невозможно злоупотребление расширенным антикартельным иммунитетом без его расширения. Опасаясь злоупотреблений и «имитации», Конституционный Суд заведомо объявляет противоправными интересы всех без исключения хозяйствующих субъектов, образующих группу лиц, даже в том случае, если они стремились реализовать вполне обоснованные и правомерные интересы, вытекающие из групповой стратегии ведения бизнеса.

Что более тревожно, данный аргумент Конституционного Суда свидетельствует об игнорировании презумпции добросовестности хозяйствующих субъектов, основы которой были заложены в Постановлении Пленума ВС РФ № 2. Ведь нормативный отказ от расширения иммунитета для всех субъектов со ссылкой на риски злоупотребления основан на той посылке, что злоупотреблять будут все, что на рынке нет добросовестных и правомерно действующих участников. Очевидно, что такой подход демонстрирует обратную

презумпцию: заведомое отношение ко всем участникам рынка как к нарушителям.

К сожалению, подобный ограничительный подход в применении презумпции добросовестности поддерживается и некоторыми учёными: «учитывая то негативное воздействие, которое оказывают картельные соглашения на конкуренцию в целом, ... презумпция добросовестности участников гражданского оборота в этом случае должна применяться сдержанно, не приводя к нарушению баланса частных и публичных интересов» [3, с. 9].

3. Наконец, Конституционным Судом заявлен ещё один тезис, нуждающийся в комментарии:

«Само по себе участие хозяйствующих субъектов, пусть и занимающихся различными видами деятельности, в торгах в отношении ... товара позволяет рассматривать таких субъектов в качестве конкурентов на рынке соответствующего товара».

Этим тезисом Конституционный Суд без надлежащего обоснования воспроизвёл давно применяющуюся на практике правовую позицию антимонопольных органов при квалификации картелей на торгах, не учитывающую различную природу соглашений участников торгов, и приводящую к тому, что картелем признаётся соглашение лиц, не являющихся в действительности конкурентами.

К сожалению, по данному вопросу можно констатировать шаг назад по сравнению с Постановлением Пленума ВС РФ № 2, в п. 22 которого разъяснено, что «наличие конкурентных отношений между участниками картеля подтверждается результатами проведённого анализа состояния конкуренции на товарном рынке». Аналогично этому, пункт 56 Постановления Пленума № 2 также предусматривает, что для доказывания факта нарушения законодательства о защите конкуренции, по общему правилу, требуется проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке (п. 3 ч. 2 ст. 23 и ч. 5.1 ст. 45 Закона о конкуренции).

Сложность реализации этого разъяснения применительно к торгам заключается в том, что пункт 10.10 Порядка, утверждённого Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220, предусматривает по делам, возбуждённым по признакам картеля на торгах, проведение анализа рынка в усечённом виде, а именно вместо исследования товарных, географических и иных границ рынка и анализа его структуры антимонопольному органу необходимо определить только предмет торгов и состав их участников. «Формальный анализ «товарного рынка» торгов в соответствии с п. 10.10 Порядка № 220 <...> ограничен лишь определением состава хозяйствующих субъектов — участников торгов, что <...> не позволяет оценить поведение участников торгов с точки зрения наличия реального соперничества за победу на торгах» [1, с. 83]. На практике это сводится к тому, что все участники торгов автоматически признаются конкурентами просто в силу факта участия в торгах, без выяснения каких-либо сопутствующих обстоятельств. Так, Арбитражный суд

Уральского округа по одному из дел указал: «сама по себе подача заявки на участие в торгах означает согласие и самостоятельное намерение лица заключить с заказчиком контракт на поставку товара, выполнение работ, оказание услуг, что делает их конкурентами»¹. Такой подход представляется абсолютно не соответствующим действительному смыслу закона о защите конкуренции в истолковании, данном в Постановлении Пленума № 2. Усечённый анализ приводит к тому, что анализ состояния рынка подменяется фиксацией перечня участников торгов.

Как отмечается в литературе, при квалификации соглашений между участниками торгов необходимо разграничивать ограничение конкуренции и мнимую конкуренцию [4, с. 43—50]. В ряде случаев «участники торгов вступают в соглашение не для целей ограничения конкуренции, а для создания видимости наличия соперничества на торгах, видимости проведения легитимных торгов и получения легитимных результатов данных торгов. Восприятие антимонопольным органом запрета на картель как формального запрета влечёт ошибочную квалификацию сговора на торгах как картеля даже в условиях отсутствия конкуренции между участниками торгов ... При наличии картеля участники торгов отказываются от соперничества, а при мнимой конкуренции на торгах конкуренция между ними отсутствует изначально, а участники торгов лишь изображают её для вида» [1, с. 83].

Разъяснение, содержащееся в пункте 24 Постановления Пленума ВС РФ № 2, «обязывает антимонопольные органы при обнаружении признаков картеля на торгах проводить полноценный экономический анализ рынка соответствующего товара, не ограничиваться требованиями п. 10.10 Порядка № 220. Только такой анализ позволяет сделать обоснованный вывод о том, что действия участников торгов были направлены не только на имитацию конкуренции между собой, но и на воспрепятствование участию в торгах реальных конкурентов, которые должны быть установлены. В этом случае также должна быть установлена (а не предполагаться) причинно-следственная связь между поведением участников торгов, имитирующих соперничество, и отказом от участия в торгах реальных конкурентов» [1, с. 84].

Заключение

Подводя итоги проведённого обзора правовых позиций, положенных в основу рассматриваемого Постановления № 12-П, можно сделать вывод о том, что Конституционным Судом РФ закреплён формальный подход в толковании положений части 8 статьи 11 Закона о конкуренции. Тем самым Конституционный Суд нивелировал усилия по либерализации практи-

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.07.2022 № Ф09-4151/22 по делу № А76-6541/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b7341f71-09f4-4867-9605-c9d8ab34d71c>

ки применения антимонопольного законодательства, предпринятые Верховным Судом в Постановлении Пленума № 2, что вынуждает констатировать круше-

ние тех скромных и робких надежд на расширение антикартельного иммунитета, которые существовали накануне вынесения Постановления № 12-П.

Список литературы

1. Башлаков-Николаев И. В., Максимов С. В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. § 56. необходимости установления конкурентных отношений участников группы лиц в целях квалификации «горизонтальных» соглашений, ограничивающих конкуренцию. М. : Проспект, 2022. 184 с.
2. Борзило Е. Ю. Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности. Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. М., 2022. 366 с.
3. Кванина В. В. О правовой сущности картеля на торгах // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 5-9.
4. Максимов С. В., Башлаков-Николаев И. В., Алешин К. Н. Мнимая конкуренция: проблемы и пути их решения : монография. М. : Норма, 2021. 112 с.

References

1. Bashlakov-Nikolaev IV, Maksimov SV. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of antimonopoly legislation by the courts: scientific and practical commentary. Moscow: Prospek; 2022. 184 p. (In Russ.).
2. Borzilo EYu. The system of legal antimonopoly restrictions on entrepreneurial activity. Dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow; 2022. 366 p. (In Russ.).
3. Kvanina VV. On the legal essence of a cartel in trading. Competition Law. 2021;(3):5-9. (In Russ.).
4. Maksimov SV, Bashlakov-Nikolaev IV, Aleshin KN. Phantom competition: problems and ways to solve them. Monograph. Moscow: Norma; 2021. 112 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Камалов О. А. — доцент кафедры Гражданского права и процесса, адвокат, кандидат юридических наук.

Information about the author

Kamalov O. A. — Associate professor of the Department of Civil Law and Procedure, Attorney at law, Candidate of legal sciences.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 23.05.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 23.05.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.